

К истории взаимодействия философии и богословия в русской религиозной мысли

Сизов С. Е.

Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Российская Федерация; Кузбасская православная духовная семинария, Новокузнецк, Российская Федерация; sseezov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Рассматривается история оформления и взаимодействия философии и богословия в пространстве русской религиозной мысли, от дисциплинарного генезиса до судьбы отдельных философских и богословских школ. Исследование акцентировано на взаимодействии светского и академического богословия с различными философскими течениями, как принципе изменения православной богословской парадигмы.

Ключевые слова: богословско-философский дискурс, славянофильство, схоластика, академическое и неакадемическое богословие в России

Для цитирования: Сизов С. Е. К истории взаимодействия философии и богословия в русской религиозной мысли // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 153–158.

On the Question about the History of Interaction between Philosophy and Theology in the Russian Religious Thought

Sergei E. Sizov

Kemerovo State University of Culture and the Arts, Kemerovo, Russian Federation; Kuzbass Orthodox Theological Seminary, Novokuznetsk, Russian Federation; sseezov@mail.ru

ABSTRACT

The study gives wide description to the history of the formation and interaction of philosophy and theology in the space of Russian religious thought, from the disciplinary genesis to the fate of individual philosophical and theological schools. The study focuses on the interaction of secular and academic theology with various philosophical movements, as a principle of changing the Orthodox theological paradigm.

Keywords: theological and philosophical discourse, slavophilism, scholasticism, academic and non-academic theology in Russia

For citing: Sizov S. E. On the Question about the History of Interaction between Philosophy and Theology in the Russian Religious Thought // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 153–158.

Настоящая статья исследует вопрос о том, каким образом оформлялись и взаимодействовали богословская и философская идентичности в истории русской мысли.

Проблема исследования заключается в том, что история построения богословско-философского дискурса в отечественной мысли зачастую воспринимается как освобождение православной религиозной мысли от схоластической традиции с помощью русской философии. На наш взгляд, эта перспектива не только базируется на ложных предпосылках (например, на искаженном представлении о «латинском пленении»), но и не является плодотворной для исследования, так как стимулирует поиск своего «истинного православия», под которым зачастую понимается некий незримый и абстрактный «дух отцов», «творческое дерзновение» и т.п. Здесь мы предлагаем такую перспективу, которая не демонизирует схоластику, а истоки богословско-философского развития отечественной интеллектуальной традиции видит

в комплексном взаимодействии религиозных и философских течений, где главную роль сыграло вторжение богословия мирян в пространство традиционной академической мысли духовных школ.

В наши дни существует множество учебников и статей по русской философии, в большинстве из которых не проводится ясная демаркационная черта между собственно философией и теологией, но авторы зачастую описывают этот комплексный феномен такими понятиями, как «религиозная мысль» или «философско-богословские построения». Это возникает по причине сложности и многогранности интердисциплинарного взаимодействия теологии и философии друг с другом, так что эти два предмета неизбежно сливаются в один философско-богословский дискурс.

С другой стороны, существуют книги, посвященные области взаимодействия богословия и философии, но среди них мы можем найти только наработки такого описания формирования двух дисциплин в истории русской мысли. Здесь следует отметить прежде всего «классический» труд Георгия Флоровского «Пути русского богословия», в котором взаимодействие философии и богословия в России показано как иллюстрация тезиса Ю. Самарина о пленении русской мысли схоластикой. В последнее время такой подход все больше подвергается критике, в связи с чем и наша работа по очерчиванию контуров становления богословско-философской парадигмы в России может быть востребована как корректирующая такую концепцию взаимодействия двух сфер человеческой мысли. Если работа Флоровского предлагала исследователям русской религиозной мысли исходить из анализа того влияния, которое оказало на богословие схоластика, и искать в новых богословско-философских построениях результат освобождения от схоластики и возвращения к отцам, то мы предлагаем включить в исследование истории богословско-философского дискурса в России влияние философии немецкого романтизма и идеализма. Это кажется особенно важным, учитывая то, что последние выстраивают в современном богословии новые концепции, существующие под маской восстановления святоотеческого богословия, например, органическую или нравственную теории искупления.

Начать повествование следует с истории взаимоотношений теологии и философии в западном мире, поскольку оформление этих двух дисциплин в России прямо восходит к их генезису, историческому развитию и взаимодействию, начиная со времен Древней Греции.

Изначально теология и философия не мыслились в качестве двух отдельных дисциплин, о чем говорит нам пример досократиков, равно рассуждающих как о космологии, так и на ее основе о теологии — впоследствии этот космологический аспект, положенный в основу богословской методологии, особенно ярко выразился у Аристотеля в его знаменитой *Метафизике*, или *Теологии*. Принципы таких построений были взяты в основу христианского богословия, так что воспитанное в традиции греческой школы мысли оно не разделяло теологию и философию, но предпочитало говорить о том, что высшей философией является христианское богословие. Так, например, существует известное выражение Климента Александрийского «Истинная философия есть христианская религия» [3, с. 14].

Это же представление о теологии как об истинной философии выразилось в византийском образовании. Хотя последнее подразумевало за словом «философия» множество значений, среди которых была как истинная философия, то есть христианская теология, так и лжеименная философия, то есть светская наука вообще и тем более языческая мысль [1]. Это же византийское представление о философии было унаследовано и на Руси, пока ему на смену не пришла постсхоластическая модель.

По словам Г.Г. Майорова, первый шаг к разделению философии и теологии сделала ранняя схоластика [3, с. 14], сведя философию к диалектике, технической

науке, которая обслуживала богословие. Проф. А. Н. Антонов утверждает, что разделение философии и богословия выкристаллизовалось у Фомы Аквинского, «который, проводя различие философии и богословия, разделил “естественный свет разума” (философию) и богословие, понятое как откровенное знание о том, что превосходит человеческий разум» [5, с. 158]. Такой подход оказался важным, для оформления двух этих дисциплин в христианском и постхристианском мире. Философия у Фомы мыслилась как рациональное рассуждение, в том числе и о Боге, тогда как теология исследовала Бога через Откровение [5, с. 29].

В эпоху Нового времени возникает концепция универсальной науки, которая исключает из себя все сверхъестественное и непознаваемое, давая тем самым решительный толчок к окончательному обособлению богословия и философии. Научная концепция Просвещения характерна постоянной отсылкой к рациональности и верификацией знаний и методов в перспективе построения универсальной эпистемологической системы, и потому теология, будучи основана на большом количестве неверифицируемых предпосылок, т.е. истин Откровения, оказывается отделенной от всех наук, в том числе и философии, которая рассуждает о Боге, основываясь уже не на Евангелии, но на «автономном» разуме, переставая таким образом быть «служанкой богословия», но уже задавая тон богословским изысканиям.

В России имеет место влияние разных традиций восприятия богословско-философской парадигмы. С одной стороны, схоластическая традиция безусловно является магистральной в духовных школах до XVIII в., с другой стороны, философия Нового времени также активно вторгается в пространство отечественной религиозной мысли как со стороны светских мыслителей, так и профессоров и студентов духовных школ.

Пространство русской религиозной мысли удобно разделить на два относительно герметичных сектора, которые со временем все больше размыкались в отношении друг к другу: духовно-академическую среду и светских мыслителей, не относящихся к духовному сословию. Хотя в наши дни ситуация может быть охарактеризована отсутствием двух отдельных богословских традиций, поскольку светское богословие стало частью академической богословской культуры, образовав тем самым одну школу православной теологии, история становления богословско-философского дискурса удобно иллюстрируется работой этих двух секторов религиозной мысли.

История взаимоотношения теологии и философии в России начинается в духовных школах. Первой, кто в числе своих предметов вводит философию, была Киево-Могилянская духовная академия, основанная в конце 1631 г. Особенностью образовательной парадигмы этой академии была ориентация на схоластическую систему обучения, так что философия и теология воспринимались вполне традиционно для такой модели как госпожа и служанка [9]. При этом философия служила введением к изучению богословия. Влияние схоластической традиции обеспечивалось, в том числе, использованием латинского языка и иезуитских учебников.

Киевская модель духовного образования была заимствована Московской духовной академией. Знакомство с философией в духовных школах первоначально сводилось к изучению хрестоматийных трудов, вроде упомянутого выше Источника знания Дамаскина и к пересказам, толкованиям и комментированию трудов древнегреческих философов по латинским учебникам. Поэтому, например, философия такого выпускника духовной академии, как Григорий Сковорода, чаще всего отсылает к образцам античной мудрости.

Отметим, что философия гораздо свободнее дышала внутри стен духовных академий и семинарий, чем в университетах. Это было связано с неблагонадежностью, которую внушала философия светской власти, поэтому постоянный надзор за преподаванием философии был менее строг в стенах духовных учреждений, как призванных ограничить и приспособить философию к богословским нуждам.

По словам протоиерея Г. Флоровского, «именно в церковной школе начинается русское любомудрие; и русское богословское сознание проводится через умозрительный искус, пробуждается от наивного сна...» [4, с. 235]. Это стало возможным благодаря тому, что семинарии оказались единственными среди всех средних образовательных учреждений, которые вводили учащихся в курс философии.

Постепенно в духовные школы все больше проникало влияние современной европейской философии, что выражалось в примерах таких преподавателей, как Ф. А. Голубинский (1797–1854), И. М. Скворцов (1795–1863), В. Н. Карпов (1798–1867), Ф. Ф. Сидонский (1805–1873), которые приспособляли философский аппарат современной им западной мысли к теологическим задачам. В целом же, хотя профессора академий «опровергали» Канта, Фейербаха и прочих модных философов, складывая свои многотомные труды в стол, интеллектуальная среда духовных школ живо воспринимала западную философию и использовала ее аппарат для теологических штудий.

По рекомендации некоторых ректоров, философия должна была преподаваться в духовных заведениях «из ума и знания, а не слепо из учебной книги или записок» [4, с. 217], что, вероятно, действительно нередко удавалось, судя по воспоминаниям учащихся духовных школ о жадном чтении Канта или Шеллинга.

Таким образом, первоначальная схоластическая выучка все больше изменялась под влиянием новых философских школ, заставляя работать с традиционным богословским содержанием при помощи обновленного словаря.

Другую, изначально почти никак не взаимодействующую с духовными школами, среду для богословско-философского развития в России представляет собой светское общество. Известно, что русская философия особенно характерна своей тесной связью с христианством, так что огромное количество русских философов занимались также решением и богословских вопросов. В числе первых светских мыслителей этим стали заниматься славянофилы.

Философия славянофилов часто относится исследователями к православной философии, вдохновленной трудами святых отцов, но если мы проигнорируем заявления самих «православных словен» и будем судить по источникам их вдохновения и стилю философствования, то следует признать в их трудах значимое влияние немецкого романтизма и идеализма.

Одержимость Гегелем и Шеллингом была характерной не только для славянофилов, но и западников, как детей одного времени, так что оба этих течения использовали немецкую философию для работы со своими идеями.

Однако существенный интерес для нашей работы представляет учение старших славянофилов, которое со временем оказалось вписанным в богословскую парадигму Русской православной церкви и потому прямо относится к формированию богословско-философского дискурса отечественной мысли.

Первоначально, славянофильские идеи воспринимались в академическом пространстве критически. Многие представители академического богословия выступили с резкой полемикой по отношению к идеям славянофилов, а именно, к их богословию. Особенное усердие в этом вопросе проявили профессора Московской духовной академии А. В. Горский и П. С. Казанский. Камнем преткновения служил новый образ богословствования «православных словен», их «творческий подход» к догматике, чуждый историческому православию и вдохновленный совсем иной философской традицией. В связи с чем критика нередко относится к академической невоспитанности богословской мысли славянофилов, в частности Хомякова (у которого действительно не было богословского образования), указывая на «право понимать и толковать Писание, как вздумается», «чувство свободы» и то, что «ему ни власть, ни закон, ни символ — ничего не препятствует» как основные недостатки таких теологических упражнений [8, с. 228]. Наконец, Казанский прямо указы-

вает на принципиальную иноприродность богословия славянофилов православной традиции, говоря, что «нужно отрешиться совсем от наших понятий о Церкви, чтобы стать на точку зрения Хомякова» [8, с. 229].

Отметим, что если профессора в первой половине XIX в. скорее сочувствовали критикам Хомякова, то к концу века можно заметить переворот в отношении к этому русскому мыслителю. Постепенно духовные академии все больше исследует философию старших славянофилов. Наконец, в наши дни стало традиционным воспринимать богословие старших славянофилов как опыт возвращения к свято-отеческой традиции и освобождения от схоластического мышления, которым якобы были пленены академии. Об этом говорит о высказывание крупнейшего исследователя русской философско-богословской традиции прот. Г. Флоровского, который с сожалением пишет, что Горский, «один из лучших тогдашних богословов», не понял взглядов А. С. Хомякова [8, с. 230].

Несмотря на критическое отношение к новому богословию, духовные школы все больше попадают под влияние модных тогда славянофилов, так что будущие профессора, а пока студенты, с большим вниманием читают труды «православных словен», как и книги немецких философов. В итоге, поворот (возможно не меньший по значимости для теологической парадигмы, чем, например, лингвистический поворот в философии) в православном богословии знаменует статья профессора Санкт-Петербургской академии Н. И. Барсова «Новый метод в богословии» 1869 г. и, в том же году, работа протоиерея, профессора кафедры церковной истории Московского университета А. М. Иванцова-Платонова «Несколько слов о богословских сочинениях А. С. Хомякова».

Наконец, к XX в. в православном богословии все больше заметно влияние славянофильской традиции, так что сам Хомяков поставляется позднейшими православными мыслителями, например, святым Иустином Поповичем (1894–1979), наравне с апостолами. По его трудам и жизни выходят исследования и монографии, организуются конференции. А сама богословская традиция ищет теперь освобождения от схоластики, хотя и в пленении европейской философией. Знаком этого может служить, например, решение сотериологических проблем, в пространстве которых все большей критике подвергается православная «юридическая» теория искупления, на замену которой приходит вдохновленная немецким идеализмом «нравственная теория», а затем и «органическая», разработанная в тесном сотрудничестве с русской неакадемической философией.

Следующую веху в становлении отечественного богословско-философского дискурса представляет собой русская эмиграция, которой предстоит стать законодателями православного богословия в конце XX и начале XXI вв. Эмигранты и дети эмигрантов — Г. В. Флоровский, В. Н. Лосский, К. Керн, А. Шмеман, Н. Афанасьев и другие оказываются вдохновителями современного богословия (ввиду разрушения отечественной традиции богословствования в Советской России), воспринимая, с одной стороны, отрефлексированные академической средой идеи славянофильства и, с другой — впитывая современную им зарубежную философию XX в., т. е. экзистенциализм, персонализм и т. п.

Исторический путь православного богословия полон комплексного взаимодействия с философией, борьбы разных школ мысли. Кажущаяся консервативность ортодоксальной теологии создает иллюзию того, что она не изменяется со времен отцов Церкви, но, как видно из настоящей статьи, это далеко не так. Общепринятые оценки и расхожие мнения о становлении отечественного богословско-философского дискурса нуждаются в подробном анализе и корректировке, которая, к слову, все-таки приобретает свои очертания в наши дни. К сожалению, пока еще у русской философско-богословской традиции нет своего «Миня» и потому она представляет собой огромную область, требующую научной работы и добросо-

вестного исследования, а также смены перспективы научного исследования на новую, в качестве донора для которой и может служить наше исследование.

Литература

1. Антонов К. М. Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект. М. : Издательство ПСТГУ, 2006. 236 с.
2. Византийская философия // Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6747a4dc7baf3ce6cfee67> (дата обращения: 25.07.2019).
3. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М. : Мысль, 1979. 433 с.
4. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
5. Фома Аквинский. Сумма теологии : с комментариями и объяснениями. М. : АСТ, 2019. 320 с.
6. Хегглунд Б. История теологии. СПб. : Светоч, 2001. 370 с.
7. Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М. : Изд-во ПСТГУ, 2017. 480 с.
8. Шапошников Л. Е., Федоров А. А. История русской религиозной философии : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2006. 447 с.
9. Яковенко Б. В. История русской философии : пер. с чеш. / общ. ред. и послесл. Ю. Н. Солoduхина. М. : Республика, 2003. 510 с.
10. Ingolf U. Dalferth. Theology and Philosophy. 150 West Broadway: Wipf and Stock Publishers, 2001. 238 с.

Об авторе:

Сизов Сергей Евгеньевич, аспирант Томского государственного университета (Томск, Российская Федерация), преподаватель Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация), старший преподаватель Кузбасской православной духовной семинарии (Новокузнецк, Российская Федерация); sseezov@mail.ru

References

1. Antonov K. M. Philosophy of the I. V. Kireevskij. Antropological aspect. M. : PSTGU publisher, 2006. 236 p. (In Rus).
2. Byzantine philosophy // Russian academy of sciences e-library [Electronic resource]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6747a4dc7baf3ce6cfee67> (accessed: 25.07.2019). (In Rus).
3. Majorov G. G. The formation of medieval philosophy. M. : Thought, 1979. 433 p. (In Rus).
4. Florovskij G. V. Ways of Russian theology / ed. O. Platonov. M. : Russian civilization institute, 2009. 848 p. (In Rus).
5. Thomas Aquinas. Summa theologiae : with comments. M. : AST, 2019. 320 p. (In Rus).
6. Hegglund B. History of the theology. SPb. : Svetoch, 2001. 370 p. (In Rus).
7. Hondzinskij P., prot. «Church is not academy»: Russian non-academic theology of the XIX century. M. : PSTGU publisher, 2017. 480 p. (In Rus).
8. Shaposhnikov L. E., Fedorov A. A. History of the Russian religious philosophy. M. : Higher school, 2006. 447 p. (In Rus).
9. Yakovenko B. V. History of the Russian philosophy: Trans. from czech. / ed. Yu. N. Soloduhin. M. : Republic, 2003. 510 p. (In Rus).
10. Ingolf U. Dalferth. Theology and Philosophy. 150 West Broadway: Wipf and Stock Publishers, 2001. 238 p.

About the author:

Sergei E. Sizov, Graduate Student of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Lecturer of the Kemerovo State University of Culture and the Arts (Kemerovo, Russian Federation), Senior Lecturer of the Kuzbass Orthodox Theological Seminary (Novokuznetsk, Russian Federation); sseezov@mail.ru